

С самого начала этого торжественного банкета император впервые был настолько искренне впечатлен поднесенным ему даром.

Бесчисленные пытливые, полные любопытства и недоумения взгляды разом устремились на Ин Фушэна. Услышав раскатистый смех императора, юноша словно очнулся от своего состояния осторожной тревоги. Ин Фушэн медленно поднял глаза, глядя в сторону возвышения, и в выражении его лица на мгновение промелькнула растерянность, прежде чем он спохватился и склонился в глубоком поклоне:

- Благодарю вас, отец-император.

Император, казалось, совершенно не замечал того густого, почти осязаемого напряжения, что повисло среди придворных. Впервые он посмотрел на Ин Фушэна по-настоящему, прямо и внимательно. С высоты своего величественного трона он видел лишь маленькую макушку склоненного сына – для члена императорской семьи такое телосложение казалось слишком хрупким и слабым. При их первой встрече он действительно не принял этого ребенка в расчет: тот вел себя слишком скованно, робко и зажато по сравнению с остальными принцами, которые держались уверенно, непринужденно и даже вызывающе.

Видя, как Ин Фушэн смиренно и с глубоким почтением стоит посреди огромного зала, император немного успокоился и произнес:

- Дар для молитвы о благословении весьма ценен, – заметил он. – Твои старшие братья даже не подумали о подобном. Как же ты догадался преподнести именно такой подарок?

После этих слов лица придворных мгновенно помрачнели, а принцы, сидевшие за своими столами, и вовсе изменились в лице, не зная, как реагировать на подобный поворот.

Ин Фушэн слегка вонзил ногти в ладони, стараясь унять внутренний трепет и сохраняя внешне сдержанную, почти застывшую позу:

- Мой скромный дар, отец-император, бесконечно далек от тех великолепных вещей, что приготовили мои старшие братья, – начал он. – Их подношения лишь внешне кажутся ослепительными и роскошными. Однако во время моей долгой болезни императрица и старший брат неоднократно выезжали молиться о благословении. То, что старший брат не упоминал об этом вслух, вовсе не означает, что он этого не делал. Полагаю, так же обстоит дело и у остальных моих братьев.

Эти слова оказались совершенно неожиданными для всех присутствующих. Лица принцев немного разгладились, сменившись выражением облегчения. Преподнесение подарков на первый взгляд казалось лишь формальной мелочью, но на деле за этим скрывались бурные, опасные течения политической борьбы. Иначе зачем наследный принц стал бы специально заказывать столь изысканную статуэтку нефритового зверя? Кто в этой негласной схватке победил, а кто проиграл – стало предельно ясно по одной лишь реакции императора. Удивительно, но Ин Фушэн фактически выгородил остальных принцев, смягчив удар. По правде говоря, это было крайне невыгодное решение: если бы он воспользовался случаем, чтобы выслужиться и подчеркнуть свою исключительность, он непременно получил бы щедрую награду от императора, но он сознательно этого не сделал.

Хотя уголки губ наследного принца все еще пытались удерживать вежливую улыбку, в глубине его глаз не осталось ни капли истинного веселья. Он не чувствовал ни тени благодарности за то, что Ин Фушэн его выгородил; напротив, в душе возникло едкое, неприятное ощущение, будто его самого затмили и отодвинули на второй план. Позади него некоторые члены императорского рода и важные сановники начали обмениваться многозначительными, косыми взглядами. В их глазах смешивались искреннее удивление и глубокая подозрительность – на самом деле они уже начали что-то лихорадочно просчитывать.

Пока в зале царил тяжелая, гнетущая тишина, Ин Фушэн, не теряя самообладания, продолжил говорить:

– Я, ваш сын, глуп и слаб телом, – тихо произнес он. – Когда я болел, матушка читала молитвы, а бабушка неустанно заботилась обо мне. Лишь благодаря их милосердию и заботе я смог вернуться с того света.

Он произносил каждое слово с предельной искренностью и серьезностью, глядя вперед:

– Молитва о благословении – это сокровенное желание каждого человека, а тем более – всей нашей императорской семьи. Наши доблестные воины отдают все свои силы и жизни ради процветания страны. Я же, будучи не в силах отправиться на поле боя, хотел сделать хотя бы то, что в моих скромных силах.

Наложница Нин буквально застыла на месте, словно пораженная громом.

Придворные дамы начали бросать на нее осторожные, оценивающие взгляды. О том, что наложницу Нин наказали чтением молитв и даже посадили под строгий домашний арест, в дворцовых кулуарах уже давно ходили слухи. А эти несколько слов шестого принца не только разрядили наэлектризованную обстановку в павильоне Любования Луной, но и неожиданно приписали часть заслуг наложнице Нин. Разве мог десятилетний ребенок самостоятельно придумать и сказать такое? Очевидно, что это наложница Нин наставила его и научила таким речам.

Лицо наложницы Нин, несмотря на весь тщательный уход и косметику, окаменело. С того самого момента, как Ин Фушэн преподнес эти две картины, все пошло совершенно не по ее плану. Она была настолько взволнована, что едва удавалось сохранять внешнее самообладание. Когда именно были подготовлены эти вещи? И откуда у этого «дикого отродья» взялась дерзость и смелость готовить что-то без ее ведома и контроля?!

Но теперь она не могла этого отрицать – заслуги уже легли на ее плечи, и все вокруг это видели. Она в панике оглядывалась по сторонам, ища поддержки или понимания. Наследный принц, сидевший вдалеке, даже не удостоил ее взглядом. Ей оставалось лишь смотреть в центр зала, втайне мечтая выскочить туда и лично придушить этого несносного ублюдка Ин Фушэна.

В павильоне Любования Луной мерцали сотни свечей, их дрожащий свет отражался в опущенных глазах Ин Фушэна, которые оставались спокойными и глубокими, словно тихая вода.

Атмосфера банкета после этого неожиданного подарка незаметно, но ощутимо изменилась.

Вдовствующая императрица Сяо с доброй, почти ласковой улыбкой смотрела на Ин Фушэна. Два подарка от маленького шестого принца действительно превзошли все ее ожидания. В то время как остальные дарили дорогое оружие или редких, диковинных зверей, дар Ин Фушэна был сосредоточен на молитве о благословении, что свидетельствовало о его благочестии. Она

перевела взгляд на императора и мягко произнесла:

- У этого ребенка искреннее сердце.

Взгляд императора на мгновение дрогнул. Его пальцы, скрытые в широких рукавах одеяния, слегка постучали по резному подлокотнику трона. В его глазах появилось еще больше удивления и интереса. Этот ребенок казался слабым и болезненным, но проявленная им воля и проникательность оказались куда сильнее, чем можно было ожидать. Император одобительно кивнул и вдруг спросил:

- Раз ты так печешься о воинах и молишься за них, знаешь ли ты, ради чего именно они сражаются?

Как только прозвучал этот вопрос, представители военного ведомства, присутствовавшие на банкете, слегка приподняли головы, проявляя внезапный интерес, а гражданские сановники выразили крайнее, почти благоговейное изумление.

Лицо наследного принца стало еще более мрачным, почти свинцовым. Его собственный подарок не удостоился и доли той похвалы, которую получил этот мальчишка, а теперь Ин Фушэн не только обрел одобрение, но и удостоился чести быть лично допрошенным отцом-императором перед лицом стольких высокопоставленных чиновников!

Взоры, острые и холодные, словно отточенные клинки, разом вонзились в Ин Фушэна. Услышав вопрос, он на мгновение замешкался, словно глубоко обдумывая достойный ответ. Император, который крайне редко проявлял терпение к окружающим, медленно потирал кольцо на большом пальце, глядя на сына спокойным, но пронзительным, видящим насквозь взглядом.

Пальцы Ин Фушэна, надежно спрятанные в широких рукавах, сжались сильнее, до белизны в костяшках, но внешне он оставался совершенно невозмутимым, даже выглядел слегка озадаченным.

- Что, этот вопрос оказался для тебя слишком сложен? - спросил император, невзначай, почти мимолетно скользнув взглядом по рядам гражданских чиновников, где сидел младший секретарь министерства обрядов.

Этот вопрос был не просто сложным - то, что было очевидно для других, не могло ускользнуть от всевидящего взора Его Величества!

К тому же на банкете присутствовало множество прославленных военачальников, которые с пристальным вниманием наблюдали за происходящим. Даже опытным чиновникам было трудно подобрать правильные слова, не обдумав их трижды, что уж говорить о маленьком принце.

Несколько военачальников синхронно повернули головы на звук императорского голоса.

Генерал Ци Шэнь сидел с идеально прямой спиной, а юноша, расположившийся рядом с ним, слегка нахмурился, не сводя пристального, изучающего взгляда с принца, стоявшего в центре зала.

Вокруг почти воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Ин Фушэн помолчал лишь одно краткое мгновение, и в его ясных глазах словно промелькнула глубокая, недетская печаль. Его голос, когда он заговорил, прозвучал звонко и предельно серьезно:

- Отвечаю отцу-императору: я не силен в высоких истинах и государственных материях, но во время своей болезни я часто слышал от слуг, что воины сражаются ради защиты страны и народа. Они защищают всех нас, - сказав это, он заметно понизил голос, и в нем зазвучали искренние нотки:

- Но идти на войну - значит принять решение не возвращаться без победы. Воины уходят, и, возможно, многие из них уже никогда не вернутся домой. Когда я болел, я тоже с тоской ждал возвращения отца-императора. Если я, ребенок, чувствую это так остро, то и в семьях воинов наверняка есть родители или дети, которые каждый день ждут их возвращения. Если они погибнут на далекой чужбине, найдут ли они дорогу домой?

Когда эти слова стихли, присутствующие, казалось, были совершенно сбиты с толку - они никак не ожидали столь простого, почти наивного ответа. В павильоне Любования Луной еще долго эхом отдавался детский голос шестого принца. Это был ответ, который мог дать только ребенок: в его понимании молитва о благословении не несла в себе глубокого политического смысла, это была лишь простая, чистая надежда на то, что души погибших смогут вернуться в родные края.

Император на возвышении слегка вздрогнул. В его глазах, способных пронзить человеческую душу и обнажить все тайны, острая подозрительность растаяла, словно весенний снег под первыми лучами солнца, сменившись искренним удивлением и сложным, трудноописуемым чувством:

- Хорошо... сказано очень хорошо.

Его взгляд вновь упал на худые, почти хрупкие плечи Ин Фушэна:

- Хоть ты и мал годами, но обладаешь удивительно искренним сердцем. Это весьма похвально, - сказав это, он неожиданно и властно поманил Ин Фушэна рукой:

- Подойди, подойди ко мне.

Как только этот приказ прозвучал, лица нескольких человек мгновенно изменились. Наложница Нин в полном неверии и шоке подняла голову, а наследный принц больше не мог сохранять свою привычную маску холодного спокойствия. Ин Фушэн замер на мгновение, встретившись взглядом с императором. Затем он слегка поклонился и начал медленно подниматься по ступеням к трону. Люди вокруг него словно уменьшались, а всё окружающее пространство будто затихло, оставляя его наедине с величием правителя.

Тяжелый, густой аромат благовоний, исходящий от императорского халата, стал почти осязаемым. Ладони Ин Фушэна похолодели от волнения, пока он шаг за шагом приближался к императору.

Император хлопнул его по маленькому детскому плечу, и в его бездонных глазах после тщательного, изучающего осмотра промелькнула невиданная доселе, почти отеческая теплота.

Ин Фушэн даже уловил тихий, едва слышный смешок совсем рядом с собой. Когда смех стих, император, вновь обретя свой величественный тон, обратился к собравшимся гражданским и военным чиновникам:

- Вы все слышали? - голос императора вновь обрел свою прежнюю строгость. - Порой вы понимаете некоторые истины куда хуже, чем этот ребенок.

Он слегка, почти незаметно кивнул Ин Фушэну, и его тон, до этого звучавший властно и холодно, стал заметно мягче:

- Раз ты понимаешь это, знаешь ли ты, что именно нужно сделать?

Ин Фушэн краем глаза видел застывших в напряженном ожидании чиновников, а рука, лежавшая на его плече, казалась теплой, но в то же время невыносимо тяжелой, словно на него давила целая гора. Тысячи противоречивых мыслей, пронесившихся в его голове в этот миг, в итоге слились в одну маску детской наивности и искреннего непонимания, которые были вполне подобающи его возрасту:

- Я не знаю, отец-император.

Император удовлетворенно кивнул, но больше не стал его расспрашивать. Он медленно обвел тяжелым, оценивающим взглядом всех присутствующих чиновников и произнес:

- У каждой дороги есть свой конец, а у каждого дома - свое направление, - провозгласил император. - Сегодня мы празднуем день рождения вдовствующей императрицы Сяо, и потому, по ее светлomu желанию, будет возведен величественный храм воинов.

- В жестоких сражениях на северных рубежах верные души доблестных воинов укрепили мощь и величие Да Юаня. Те, кто совершил великие подвиги ради блага нашего государства, будут навечно увековечены в летописях и обретут свое почетное место в храме воинов. В храмах по всей стране в течение семи дней будут проводиться торжественные службы, чтобы простой народ мог вознести свои молитвы, утешить страдающие души и помочь павшим воинам наконец вернуться в родные края.

Ин Фушэн замер, затаив дыхание.

Придворные, видя милость и прозорливость правителя, один за другим начали подниматься со своих мест, склоняясь в глубоком, почтительном поклоне:

- Мудрость Его Величества безгранична!

Государство Да Юань всегда превыше всего почитало военную доблесть и отвагу. Два последних императора усмиряли врагов и останавливали войны лишь неоспоримой силой оружия, и даже вдовствующая императрица Сяо происходила из знатного рода прославленных военачальников.

В такие смутные времена, верил ли император на самом деле в богов и будд, знали лишь ближайшие члены императорской семьи, однако молитва о благословении была вещью совсем иного порядка. После бесконечных, изнурительных войн народ остро нуждался в том, чтобы чувствовать: власть близка к людям, она слышит их боль и разделяет их горести. Молитва о благословении, исходящая от самого императора, который проявляет милосердие и искренне жалеет свой народ, в глазах простых людей выглядела совершенно иначе, становясь мощным

инструментом укрепления веры в своего правителя.

Голос императора стал заметно мягче:

- Шестой принц проявил истинное усердие в молитвах, - произнес он. - Наградить его столетним женьшенем для укрепления здоровья.

- Приказ о возведении храма воинов не терпит никаких отлагательств, - император перевел строгий взгляд на младшего секретаря министерства обрядов. - Это дело, господин Нин, я поручаю именно тебе.

Младший секретарь министерства обрядов был совершенно ошеломлен таким неожиданным поворотом событий. Он тут же вскочил со своего места и поспешно вышел вперед, склоняясь в глубоком, почтительном поклоне:

- Слушаюсь, Ваше Величество!

Бесчисленные взгляды, полные любопытства и скрытого расчета, разом устремились на господина Нина.

Семья Нин в последние годы вела себя крайне тихо, почти не подавая признаков своего присутствия в политической жизни двора и оставаясь в глубокой тени. Однако сегодня, стоило шестому принцу столь ярко блеснуть перед лицом императора, как положение семьи Нин мгновенно изменилось, и они вновь оказались на гребне волны, привлекая к себе всеобщее внимание.

Пока в огромном зале бушевали невидимые глазу, но яростные страсти, Ин Фушэн смиренно склонился в глубоком поклоне. В тот миг, когда он опустил веки, вся прежняя детская наивность и робость исчезли без следа, уступив место холодному, сосредоточенному спокойствию. Он аккуратно поправил широкие рукава своего одеяния и, дождавшись милостивого разрешения императора, медленно вернулся на свое место.

В одно мгновение со всех сторон на него вновь устремились десятки взглядов, и самыми жгучими, почти обжигающими, были взоры его братьев-принцев.

Наследный принц с трудом удерживал свою привычную, тщательно отрепетированную маску добродетельного и любящего старшего брата. Он лишь слегка, едва заметно улыбнулся Ин Фушэну, но в то же время его рука, скрытая под тяжелой тканью стола, с силой впиалась ногтями в ладонь. Старший и второй принцы, сидевшие ближе всех, с нескрываемым интересом наблюдали за каждым движением Ин Фушэна и, что было самым удивительным, впервые с самого начала банкета кивнули ему в знак приветствия, словно признавая в нем нового, неожиданного игрока.

- Господа, отдыхайте, - произнес император, и его голос разнесся по всему залу. - Этот банкет был создан для всеобщего веселья, так наслаждайтесь же им.

Церемония преподнесения подарков была официально завершена, и напряженную тишину наконец прорезали звуки музыки, а танцовщицы наполнили павильон Любования Луной атмосферой торжества.

Днем император щедро наградил военачальников, а на вечернем банкете, умело используя день рождения вдовствующей императрицы Сяо в качестве благородного предлога, распорядился о выплате пособий семьям павших. В этот момент бесчисленные взгляды вновь и

снова устремлялись на господина Нина. Никто из присутствующих не верил, что столь продуманный, глубокий по смыслу подарок мог подготовить десятилетний ребенок самостоятельно – всем казалось очевидным, что за этим стоит семья Нин, которая тонко и расчетливо направляет шестого принца.

В одночасье отношение к господину Нину и наложнице Нин изменилось: на них стали смотреть с огромным, почти жадным интересом. Раньше в придворных кругах считалось, что семья Нин ведет себя излишне осторожно, предпочитая не вступать в конфликты и ни с кем не спорить, но теперь многим почудилось, что они вовсе не были слабыми – просто их время еще не пришло, и они терпеливо ждали подходящего момента.

Банкет затянулся, вино лилось рекой, наполняя золотые кубки и затуманивая рассудок гостей, а общая атмосфера в зале постепенно накалялась, становясь всё более эмоциональной.

Когда император ненадолго покинул зал, обстановка в павильоне Любования Луной внезапно и резко изменилась, словно сменился сам ветер.

Успешное подношение подарка и неожиданное поручение, доверенное господину Нину, в одно мгновение превратили Ин Фушэна в истинный центр внимания среди всех принцев. Его недавние слова – по-детски простые, но столь высоко оцененные правителем – заставили многих влиятельных чиновников всерьез обратить на него внимание. Он впервые присутствовал на подобном банкете, и каждое его движение было пропитано тихой, почти неестественной сдержанностью; лишь в глубине глаз теплилась легкая, едва уловимая радость, словно он был совсем не способен заметить опасные скрытые течения, бушующие в глубинах императорского дворца.

В глазах окружающих эта манера поведения выглядела как абсолютное простодушие. Видя его кажущуюся открытость и наивность, чиновники начали строить совсем иные, более сложные догадки о истинных намерениях господина Нина.

– Господин Нин!

Господин Нин внезапно обнаружил, что оказался в самом центре внимания своих коллег. В обычное время он никогда не пользовался таким почетом и вниманием. Семья Нин при дворе не занимала высокого положения и не была в большом фаворе, и хотя в последние годы их дела шли вполне неплохо, они всё равно предпочитали оставаться в тени, не привлекая к себе лишних взглядов. Появление шестого принца, напротив, принесло ему стремительную славу. Те, кто раньше свысока смотрел на него и пренебрегал общением, теперь сами с подобострастными улыбками подходили к нему, стараясь завязать разговор.

Сам господин Нин был глубоко встревожен недавними событиями в павильоне Любования Луной, но он никак не ожидал, что на этом банкете удостоится столь высокого внимания со стороны императора. Это не только привело его в неописуемый восторг, но и подарило пьянящее ощущение, будто перед ним внезапно открылись новые, доселе недоступные горизонты власти и влияния.

Это была совершенно неожиданная, ослепляющая радость. Он издали бросил резкий, гневный взгляд на наложницу Нин, молча предупреждая ее, чтобы она не смела совершать никаких глупостей и не портила этот момент, а затем, сменив выражение лица на приветливое, воспользовался случаем, чтобы максимально активно пообщаться с чиновниками.

Семья Нин никогда еще не была так щедро обласкана вниманием двора. Господин Нин, который годами терпел мелкие унижения и пренебрежение, теперь с наслаждением принимал бесконечные поздравления от своих коллег.

Ин Фушэн, тихо сидя за столом принцев, с холодным беспристрастием наблюдал за торжествующим господином Нином. В его опущенном взгляде на мгновение промелькнула едва заметная, горькая насмешка.

Он медленно помешивал вино в своем кубке, и в темном отражении жидкости виделась семья Нин, которая наконец-то вышла из тени. Господин Нин в этот миг полностью наслаждался лестью коллег, даже не подозревая, что, выйдя на свет, он одновременно стал яркой мишенью для многих завистников и врагов.

Ин Фушэн равнодушно отвел взгляд. Неподалеку, среди рядов гражданских чиновников, сидели старейшины, во главе которых стоял клан Сюй, широко известный своей неподкупностью и строгим следованием принципам. Один из пожилых старцев слегка кивнул, словно внимательно следя за всем происходящим в зале, и его пронизывающий взгляд на мгновение скользнул по Ин Фушэну.

Ин Фушэн мгновенно понял: клан Сюй – это не просто лидеры чиновников, но и семья императрицы Сюй. Это была та самая мощная сила, которая в будущем должна была возвести наследного принца на престол.

«Клан Сюй, значит...» – подумал он.

Рябь в винном кубке замерла. Сохраняя внешне покорный и смиренный вид, он продолжал смотреть вдаль, анализируя расстановку сил.

Среди наложниц наложница Нин, увидев, как ее отец с таким успехом общается с высокопоставленными чиновниками, а затем переведя взгляд на Ин Фушэна, внезапно побледнела и с силой сжала в руках шелковый платок.

- Сестра, шестой принц сегодня действительно снискал необычайное расположение императора, - вкрадчиво сказала одна из наложниц.

- Как это возможно... - наложница Нин натянула на лицо вымученную, фальшивую улыбку, но внутри ей было совсем не до смеха.

Другие наложницы, наблюдавшие за сценой, думали иначе: было очевидно, что подарок шестого принца был тщательно подготовлен заранее.

Обычно наложница Нин не стремилась открыто бороться за внимание, и теперь всем показалось, что, оказывается, она всё это время тайно готовила козырь, который теперь выложила на стол.

Наложницы обменивались многозначительными улыбками, а на сердце у наложницы Нин становилось всё тревожнее и тяжелее.

Сцена, в которой наследный принц должен был блеснуть и затмить всех, так и не состоялась. Она заранее связалась с семьей Нин в министерстве обрядов и передала важную весточку наследнику, но ее собственные родственники не проявили должного внимания к деталям, а ее тонкие намеки были проигнорированы. Теперь же Ин Фушэн оказался в самом центре внимания, а наследный принц, напротив, остался в тени. Это был совсем не тот результат, которого она так жаждала.

Она смотрела на чиновников в зале, и в этот миг ей до безумия хотелось убить Ин Фушэна.

- Сестра обычно ведет себя так непринужденно и скромно, но, оказывается, в подготовке подарка был заложен глубокий смысл, - с явным намеком произнесла одна из наложниц. - Этот успех даже затмил наследного принца.

Наложница Нин хотела было что-то ответить, чтобы оправдаться, но в этот момент наследный принц обернулся. Она подсознательно хотела улыбнуться ему, ища поддержки, но увидела, что его лицо абсолютно холодно, а взгляд, направленный прямо на нее, полон глубокой настороженности и неприкрытой враждебности.